

ЭХО прошлого

Научно-фантастический роман

Александр Морской

Эхо прошлого

<https://litres.ru/74500097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самое страшное в заброшенном городе — не разрушения.

А то, что всё осталось почти таким, каким было.

Чашка на столе. Машина на парковке. Свет в коридоре. Запись, которую никто не должен был услышать спустя столько времени.

Маркус Сейл приезжает на далёкую планету и оказывается среди следов чужой жизни. Здесь нет тех, кто мог бы объяснить, что случилось. Остались только вещи, голоса и память.

Чтобы найти ответы, ему придётся пройти по следам людей, которых он никогда не знал.

И понять, насколько далеко может простираться эхо прошлого.

Содержание

ЧАСТЬ I. ОСТРОВ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕР	4
Глава 1. Тишина между галактиками	4
Глава 2. Голубая точка	20
Глава 3. Три машины	34
Глава 4. Архив ноль	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эхо прошлого

ЧАСТЬ I. ОСТРОВ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕР

Глава 1. Тишина между галактиками

Маркус Сейл проснулся от звука дождя.

Первые несколько секунд он лежал с закрытыми глазами и слушал, как вода ровно ударяет по стеклу. Капля за каплей. Иногда порыв ветра бросал в окно целую горсть, и тогда по поверхности пробегала дрожь, будто кто-то невидимый провёл ладонью по прозрачной стене.

Маркус улыбнулся.

Потом память вернулась.

На борту «Астерии» не было окон, за которыми мог идти дождь.

Он открыл глаза.

Над лицом висела матовая крышка криокапсулы. По внутренней стороне бежали тонкие струйки конденсата. Насосы ритмично перегоняли жидкость по магистралям, и именно этот звук сонный мозг превратил в дождь.

— Пробуждение завершено на восемьдесят три процента, — произнёс бортовой интеллект. — Не пытайтесь вставать.

— Даже не собирался.

Голос вышел хриплым. Маркус сглотнул и почувствовал металлический привкус.

— Это неправда, — заметил интеллект. — Через семь секунд вы попытаетесь растянуть фиксатор левой рукой.

Маркус уже тянулся к защёлке.

— Ненавижу тебя.

— Реакция соответствует норме.

Крышка поднялась. Холодный воздух ударил в лицо. Над

капсулой загорелась полоска мягкого света, а за ней проступил потолок криоотсека — серый, исцарапанный, такой знакомый, что на мгновение Маркусу показалось, будто последнего перехода вообще не было.

Но хронометр на стене говорил обратное.

Он смотрел на цифры дольше, чем требовалось.

С момента закрытия капсулы прошло восемь лет, четыре месяца и одиннадцать дней корабельного времени.

Субъективно — один вдох.

Маркус сел. Мир качнулся, желудок болезненно сжался. Он уперся ладонями в края капсулы и переждал.

В криоотсеке было шесть ложементов. Пять оставались закрыты.

Это было первое, что насторожило его по-настоящему.

— Почему остальные спят?

— *Протокол предварительной оценки.*

— Значит, ты не уверен.

— *Я уверен в том, что объект требует оценки специалистом до пробуждения полного состава экспедиции.*

— Каким специалистом?

На стене вспыхнула его личная карточка.

МАРКУС СЕЙЛ.

ПОЛЕВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ.

КСЕНОАРХЕОЛОГИЯ. ПЛАНЕТАРНЫЕ СИСТЕМЫ.
ТЕХНИЧЕСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Он вздохнул.

— Конечно.

Через двадцать минут кровь перестала казаться густой, мышцы начали слушаться, а голова — работать.

Пока медицинский модуль возвращал его телу нормальную температуру и заставлял мышцы вспоминать, что такое вес собственного человека, Маркус несколько раз ловил себя на желании спросить, сколько времени прошло снаружи, не по корабельному хронометру, а на самом деле. Вопрос был бессмысленным. Для экспедиции существовало только бортовое время, рассчитанное по траектории, коррекциям и переходам; всё остальное оставалось задачей для людей, которые когда-нибудь сравнят их журналы с домашними календарями. И всё же каждый раз после криосна его преследовало ощущение, будто мир без него успел состариться.

На полке медицинского отсека лежали вещи, которые он оставил перед погружением: тонкий браслет, складной нож, записная пластина и маленький кусок серого камня размером с ноготь. Камень не имел ценности. Он был подобран на первой планете, куда Маркус высадился ещё стажёром, — на совершенно пустом мире, где единственным результатом четырёх месяцев работы стала уверенность, что когда-то там была вода. Старший исследователь тогда сказал: «Привыкай.

В нашей профессии большую часть времени находишь отсутствие». Маркус сохранил камень именно из упрямства. Ему хотелось когда-нибудь найти не отсутствие.

Он застегнул браслет и заметил, что пальцы всё ещё слегка дрожат.

— *Мелкий тремор находится в пределах*

посткриогенной

нормы.

— Я ничего не спрашивал.

— *Вы посмотрели на руки и нахмурились. Обычно это предшествует вопросу.*

— Ты специально учился быть раздражающим?

— *Нет. Это побочный эффект длительного наблюдения за экипажем.*

Пять соседних капсул молчали. Через прозрачные крышки почти невозможно было различить лица: матовый иней превращал людей в неподвижные тени. Мара Кин лежала ближе всего к выходу, как и требовал её командирский про-

токол. За ней — Хана Вейр, Джулиан Орс, Нейл Арден и Се-
вен Мар. Маркус знал, какие именно слова услышал бы от
каждого, если бы сейчас нажал кнопку пробуждения. Мара
потребовала бы полный отчёт до того, как окончательно раз-
лепила глаза. Джулиан попытался бы встать раньше разреше-
ния и проиграл бы гравитации. Хана первым делом спросила
бы о биологических показателях. Нейл — о языке. Севен —
почему автоматика вообще решила будить одного человека.

И именно последний вопрос был самым неприятным.

— Покажи основание протокола предварительной оцен-
ки.

В воздухе перед ним возникло короткое дерево решений.
Большинство строк были стандартными: неизвестная био-
логия, нестабильная атмосфера, риск заражения, возмож-
ность технической угрозы. Внизу находился пункт, который
не нравился ему больше остальных: «Обнаружение челове-
ческих сигнатур вне подтверждённых зон расселения».

— То есть ты разбудил меня потому, что там люди.

— *Потому что там следы людей.*

— Разница мне известна.

— *По эмоциональным показателям — не уверен.*

Маркус собирался огрызнуться, но не стал. В глубине ко-

рабля щёлкнул клапан, и едва заметная вибрация прошла по полу. «Астерия» была огромной по меркам тех кораблей, на которых он начинал карьеру, но в спящем состоянии ощущалась почти камерной. Закрытые жилые секции, тёмная столовая, пустой исследовательский модуль — всё сужалось до нескольких освещённых коридоров и одного бодрствующего человека. Он неожиданно остро почувствовал ответственность за то, что сделает следующим.

Если внизу действительно существовала человеческая цивилизация, даже мёртвая, то любое его действие становилось первым контактом. Не торжественным рукопожатием двух делегаций, о котором мечтали популяризаторы, а следом ботинка в чужой пыли, вскрытой дверью, включённым терминалом. Археологи любят говорить, что мёртвые не могут возражать. Маркус никогда не верил в эту удобную формулировку. Мёртвые просто не могут остановить тебя.

Он задержался у двери криоотсека и ещё раз посмотрел на пять капсул.

— Если я не вернусь к кораблю в течение шести часов после посадки, будишь Мару.

— *Это изменение текущего протокола.*

— Запиши как распоряжение полевого специалиста.

— *Записано.*

— И не говори ей, что я специально отложил её пробуждение.

Пауза была настолько выразительной, что Маркус поднял голову к потолочному динамику.

— *Это требование невозможно выполнить без прямой лжи.*

— Тогда сформулируй дипломатично.

— *Я сообщу, что вы приняли решение, которое сочли достаточным образом обоснованным.*

— Вот. Учишься.

— *Уточнение: это не комплимент.*

— И ты тоже.

Маркус прошёл медицинскую проверку, натянул серый корабельный комбинезон и вышел в центральный коридор.

«Астерия» спала вместе с людьми. Большинство секций было обесточено, двери стояли в режиме экономии, в стенах едва слышно вибрировали системы жизнеобеспечения. Маркус любил это состояние корабля. В нём чувствовалось не одиночество, а ожидание — словно огромный механизм

задержал дыхание и ждал, что человек наконец скажет ему, зачем они сюда прилетели.

В обзорном отсеке свет уже был включён.

На главном экране висела планета.

Маркус остановился в дверях.

Сначала он увидел облака.

Редкие, тонкие, почти прозрачные. Под ними — материки, очертания которых казались тревожно знакомыми не потому, что он когда-либо видел именно их, а потому, что они были сформированы теми же силами: тектоникой, водой, ветром. У полюса белела ледяная шапка. Через экваториальные области тянулись светло-коричневые полосы, похожие на высохшие русла.

Океаны были не синими.

Там, где по спектральному анализу должны были находиться огромные водные бассейны, лежали серо-белые равнины, местами покрытые тонкими зеркальными пятнами.

— Параметры, — тихо сказал Маркус.

Рядом с планетой появился список.

Масса — почти земная.

Гравитация — девять целых семь десятых.

Азотно-кислородная атмосфера.

Температурный диапазон — допустимый.

Следы искусственных спутников.

Орбитальный мусор.

Электромагнитные сигнатуры наземной инфраструктуры.

И ниже:

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: НИЖЕ ПОРОГА
ДОСТОВЕРНОГО ОБНАРУЖЕНИЯ.

Маркус перечитал строку.

— Насколько ниже?

— *Настолько, что я трижды проверил датчики.*

— Растительность?

— *Не обнаружена в объёме, соответствующем развитой*

биосфере

.

— Микроорганизмы?

— *Возможны локальные следы. Достоверность низкая.*

— Города?

Изображение приблизилось.

На сером берегу проступили прямые линии.

Дороги, развязки, кварталы и башни.

Они были повсюду.

Маркус подошёл ближе к экрану. Город тянулся на десятки километров вдоль мёртвого побережья. Некоторые высотные здания стояли. Другие обрушились. Между ними угадывались полосы зелени — но спектральный фильтр сразу показал: это не живая растительность, а минеральные отложения, окрасившие бетон.

На магистралях застыли тысячи машин.

Не древних механизмов, не примитивных тележек, не инопланетных конструкций, смысл которых пришлось бы угадывать по форме.

Автомобилей.

— Увеличь.

Картинка приблизилась ещё.

Четыре колеса. Кабина. Двери. Лобовое стекло. Ряд машин у перекрёстка. Одна стояла поперёк полосы, словно водитель бросил её во время движения.

Маркус почувствовал, как по рукам поднялись мурашки.

— Это человеческая архитектура.

—

Морфологическое совпадение

высокое.

— Не «совпадение». Это люди.

Бортовой интеллект промолчал.

Экспедиция существовала именно ради этого.

Их цивилизация знала, что человечество не было одиноко в собственной галактике — потому что человечество вообще не было привязано к одной галактике. Слишком много древних находок, слишком много невозможных совпадений в генетических маркерах, слишком много следов на мирах, между которыми когда-то не могло быть связи.

Но живую человеческую цивилизацию за пределами их родного звёздного скопления никто не находил.

До сих пор.

Маркус посмотрел на мёртвый город.

Нет. Не живую.

— Когда исчезли сигналы?

— *Некорректная формулировка. Мы не наблюдали период активной цивилизации. По состоянию орбитальной инфраструктуры и уровню деградации поверхности предварительная оценка: несколько столетий.*

— Причина?

— *Недостаточно данных.*

Планета медленно вращалась на экране.

И тогда Маркус заметил точку.

Небольшой участок в северном полушарии был ярче окружающей поверхности. Не город. Не ледник. Геометрически правильное свечение, почти незаметное на общем изображении.

— Что это?

— *Единственный источник стабильной энергии на поверхности.*

Изображение приблизилось.

Остров.

Он лежал в чаше высохшего моря, окружённый километрами светлой соли. Над островом поднималась едва видимая дуга.

Сфера.

Или часть сферы.

Прозрачный купол накрывал территорию от берега до берега.

Внутри купола было зелёное.

Маркус не сразу понял, что именно видит.

Деревья.

Настоящие деревья.

Тёмная вода в небольшом внутреннем озере.

Целые дороги.

Комплекс зданий в центре острова.

— Биологическая активность?

— *Низкая, но достоверная.*

— Человеческая?

— *Не обнаружена.*

— Сигналы?

— *Автоматические. Повторяющиеся. Без адресной передачи.*

На экране появилась схема. В центре острова мигала белая точка.

— *Посадочный маяк, — сказал интеллект.*

Маркус почувствовал, как внутри него что-то холодеет.

— Он зовёт нас?

— *Он зовёт любого, кто способен услышать.*

За стеклом обзорного отсека была только чернота космо-

са. Где-то впереди, слишком далеко для человеческого глаза, вращался мир, населённый мёртвыми городами.

И единственный живой остров продолжал посылать приглашение.

Сотни лет.

— *Разбудить остальных?* — спросил интеллект.

Маркус смотрел на купол.

По протоколу — да.

По здравому смыслу — тоже.

Но протокол предварительной оценки существовал не случайно. Если на поверхности был активный патоген, нестабильная атмосфера или технология, способная повредить корабль, рисковать всей экспедицией было нельзя.

Он подумал о пяти закрытых капсулах.

Потом о городе, где на перекрёстках всё ещё стояли машины.

— Пока нет.

— *Подтвердите решение.*

— Подтверждаю. Сначала спущусь один.

— *Вероятность, что это решение будет признано вашей командой разумным, составляет...*

— Не считай.

— *Уже посчитал.*

Маркус впервые после пробуждения усмехнулся.

— Начинай подготовку к входу в атмосферу.

На экране остров стал крупнее.

По внутренней поверхности купола скользнул солнечный блик.

На мгновение Маркусу снова слышался дождь.

Только теперь он не был уверен, что звук родился в его памяти.

Глава 2. Голубая точка

Спуск занял сорок семь минут. Маркус провёл их в скафандре, пристёгнутый к креслу малой посадочной кабины, и смотрел, как мёртвая планета становится настоящей. С орбиты катастрофа выглядела статистикой. Процент воды. Плотность биомассы. Концентрация аэрозолей. Количество неработающих спутников.

Когда посадочная кабина вошла в плотные слои атмосферы, изображение на экране начало дрожать, и Маркус впервые почувствовал не исследовательский интерес, а телесный страх перед размером увиденного. На схеме мир умещался в круг диаметром в несколько ладоней. Здесь же, за нагретым стеклом, он занимал всё поле зрения. Горизонт был настоящим, кривизна поверхности — почти незаметной, а высохшее море тянулось так далеко, что разум отказывался связы-

вать эту белую равнину со словом «дно».

Он увеличил прозрачность визора. Ниже шли береговые линии, которые уже ничего не отделяли от воды. На старых картах, восстановленных из орбитальных сетей, это место значилось заливом. Теперь по нему гулял ветер, поднимая соляную пыль. В центре бывшего фарватера торчали навигационные башни, нелепо высокие среди суши. Маркус подумал, что жители наверняка ещё долго продолжали называть эти районы набережными, портами, морскими кварталами, даже когда море отступило на сотни километров. Язык часто переживает реальность.

— Высота девять километров. Скорость снижения соответствует коридору.

— Сколько лет нужно, чтобы океан ушёл настолько?

— При текущем наборе данных точная оценка невозможна. От нескольких десятилетий до нескольких столетий в зависимости от механизма потери.

— Люди бы заметили.

— Предполагаю, да.

Это «предполагаю» прозвучало почти издевательски. Ко-

нечно, заметили бы. Они строили новые дороги по высохшему дну, переносили порты, возводили дамбы, которые однажды переставали касаться воды. Катастрофы планетарного масштаба редко случаются одной ночью. Чаще они приходят в виде множества дней, каждый из которых всё ещё можно прожить обычным образом. На отметке шесть километров автоматика вывела на визор тепловую карту. Городские кварталы были холодными. Только несколько точек сохраняли слабый фон: подземные подстанции, автоматические узлы, аккумуляторные поля. Ни одного большого источника. Ни одного места, похожего на населённый район.

Маркус приблизил одну из магистралей. Машины стояли не хаотично, а в полосах движения. Большинство были развернуты в одну сторону, как поток, который однажды остановился. На съезде образовалась пробка, замершая навсегда. У некоторых автомобилей были открыты двери. Возле одного лежал пластиковый контейнер. У другого — перевёрнутая тележка.

— Эвакуация.

— *Вероятность высокая.*

— Куда?

На визоре появилась линия, построенная по направлению дорожного потока. Она вела к возвышенности в двадцати километрах от берега. Там сохранились массивные здания с за-

крытыми въездами.

— *Возможный гражданский защитный комплекс.*

Маркус заставил себя отключить увеличение. Он не хотел начинать знакомство с этим миром с воображения чужой паники. Для этого ещё будет время. Кабина прошла над высохшим каналом. На дне лежал пассажирский состав — длинный, серебристый, почти целый. Рельсов уже не было видно под наносами, но вагоны сохраняли правильную линию. Маркус заметил, как один из них отбрасывает тень на белую поверхность, и почему-то именно эта тень показалась ему невыносимой. У любой вещи есть назначение: поезд должен двигаться между станциями, корабль — по воде, автомобиль — по дороге. Здесь вещи продолжали существовать там, где их назначение исчезло.

Потом впереди возник зелёный цвет. Не яркий. Сначала едва заметный, как дефект на фильтре. Затем всё отчётливее: неправильное пятно среди серого и белого, окружённое мерцающей геометрией купола. Маркус почувствовал, как напряжение в плечах сменяется другим ощущением — почти суеверным недоверием.

— Повтори анализ биологии внутри.

— *Растительная жизнь подтверждена. Активность слабая и распределена неравномерно.*

Микробиологическая активность

— локальная. Животная активность не обнаружена. Человеческая — не обнаружена.

— Сколько деревьев?

— Это необычный вопрос.

— Просто ответь.

Пауза.

— По грубой оценке, от четырёх до семи тысяч объектов, соответствующих древесной растительности.

Маркус кивнул, хотя никто не мог этого увидеть. Тысячи деревьев — но уже при увеличении становилось видно, насколько обманчиво это число. Между живыми кронами зияли большие сухие участки, целые ряды посадок погибли, а зелень держалась отдельными островками вокруг работающих линий полива. После материков, где не было ни одного зелёного пятна, даже этот обломок прежнего парка казался почти неприличным богатством. Когда купол вы-

рос перед кораблём во весь обзор, он уже не воспринимался как инженерная конструкция. Скорее как обещание, которое кто-то слишком долго поддерживал в рабочем состоянии, не зная, придёт ли адресат. С высоты десяти километров планета приобрела дороги. С пяти — дома. С двух — окна.

«Астерия» заходила на купол с востока. Траектория проходила над бывшим морем. Под кораблём тянулось белое дно, пересечённое глубокими трещинами. В нескольких местах из соли выступали ржавые корпуса судов. Один огромный корабль лежал на боку в десятках километров от нынешней кромки редкой воды, будто кто-то выдернул море из-под него и оставил умирать на суше.

Дальше появился город. Маркус прижался шлемом к боковому стеклу. Башни были выше, чем казались с орбиты. Некоторые сохраняли зеркальные фасады. Солнце отражалось в них ослепительными вспышками. Другие стояли чёрными каркасами. Между зданиями проходили эстакады, покрытые неподвижными машинами. На крыше одного дома сохранилась огромная надпись. Буквы были выцветшими, часть панелей сорвало ветром. Маркус не знал языка. Но шрифт был человеческим. И сам способ написать что-то огромное на крыше тоже казался до боли человеческим.

— *Фиксирую движение, — сообщил интеллект.*

Маркус резко повернул голову.

— Где?

На визоре появился маркер. Внизу, на площади между двумя зданиями, шёл человек. Нет. Не человек. Фигура двигалась слишком ровно. Узкая голова, серый корпус, две руки, две ноги. Гуманоидный робот пересекал площадь по идеальной прямой, остановился у упавшего рекламного щита, обошёл его и продолжил путь.

— Он активен?

— *Очевидно.*

— Сколько таких?

— *На текущем маршруте обнаружено девять.*

— Чем они занимаются?

— *Неизвестно.*

Маркус проводил робота взглядом, пока площадь не скрылась за крылом корабля. Машина шла через мёртвый город так, будто смена ещё не закончилась. Следом показался купол. С близкого расстояния он перестал быть прозрачным. Воздух над островом дрожал и переливался, как нагретое стекло. По поверхности сферы пробегали тонкие линии энергии, образуя огромные шестиугольные сегменты.

— Посадочный маяк подтвердил коридор, — сказал интеллект. — Поле допускает проход.

— А если закроется, когда мы окажемся внутри?

— Тогда у нас появится дополнительный повод изучить его устройство.

— У тебя отвратительное чувство юмора.

— Оно обучалось на ваших отчётах.

Корабль коснулся границы купола. На секунду исчез звук двигателей. Маркус увидел белую вспышку, услышал короткий треск в наушниках — и всё изменилось. За стеклом была зелень. Не густой лес и не райский сад. Скорее аккуратная, давно запущенная территория научного комплекса: полосы травы, низкие деревья, кустарники, заросшие клумбы. Некоторые растения высохли, другие продолжали жить. Внутреннее озеро действительно существовало, хотя уровень воды был намного ниже бетонной кромки. Но по сравнению с внешним миром остров казался невозможностью. Цветом. Запахом — хотя пока только воображаемым. Обещанием.

Посадочная площадка находилась в центре комплекса. Круглая платформа с выцветшей разметкой, окружённая

низкими зданиями. Автоматические огни вспыхнули один за другим, когда «Астерия» пошла на снижение. Маркус заметил парковку. Три машины. Две крупнее, служебные. Третья — небольшая, городская, с гладким тёмным корпусом. Рядом стояла зарядная колонка. За парковкой находился длинный одноэтажный модуль с широкими воротами — мастерская. Всё выглядело так, будто люди ушли отсюда вчера. Только трава пробилась сквозь швы между плитами. Посадочные опоры коснулись платформы. Двигатели стихли. И наступила тишина.

Не та стерильная тишина космоса, к которой Маркус привык. Здесь существовал воздух, способный переносить звук. Ветер мог шуметь в листьях. Вода могла плескаться у берега. Насекомые могли стрекотать в траве. Но ничего этого почти не было. Лишь слабый гул купола и щелчки остывающего корпуса корабля.

— Внешняя атмосфера внутри поля пригодна для дыхания, — сообщил интеллект.

Маркус посмотрел на показатели. Кислород. Азот. Следовые примеси. Никаких опасных концентраций.

— Шлем не снимаю.

— Это избыточная мера.

— Скажи это планете, на которой исчезло всё живое.

Он проверил герметичность, закрепил на поясе универсальный инструмент, взял переносной анализатор и подошёл к шлюзу. Внутренняя дверь закрылась. Давление выровнялось. Внешняя створка медленно ушла в сторону. Солнце ударило в визор. Маркус сделал первый шаг. Под подошвой хрустнула сухая травинка. Он замер. Настолько простой звук. Настолько живой. Он присел и посмотрел на растение. Узкий стебель был коричневым, но рядом из трещины в бетоне рос другой — зелёный. Анализатор подтвердил нормальную клеточную структуру и активный обмен веществ. Жизнь. Не архивная проба и не законсервированная культура — обычный лист под открытым небом купола. Маркус не стал касаться его. Радость почти сразу смешалась с вопросом: если снаружи погибла вся биосфера, почему это растение уцелело? Ответа у него пока не было.

Слева темнел главный корпус базы. Над входом шла полоса символов. Система перевода пыталась построить соответствия по найденным на орбите массивам данных, но пока показывала только бессмысленные варианты. Вход был закрыт. На панели рядом не горело ничего. Маркус обошёл площадку. У края платформы стояла металлическая стойка с аварийным терминалом. Питание отсутствовало. От стойки кабель уходил под землю в сторону парковки и мастерской.

— Похоже, встречать меня никто не собирается.

— *Маяк активен. Технически встреча состоялась.*

— Спасибо.

Он пошёл к парковке. Служебные машины покрывал тонкий слой пыли. На одной двери сохранился знак комплекса — круг, пересечённый четырьмя линиями. На второй лежала ветка, упавшая с дерева и высохшая так давно, что стала почти белой. Третья машина выглядела иначе. Компактная. Низкая. Светло-серая когда-то, теперь матовая от времени. Не экспедиционная техника, не транспорт для тяжёлых грузов. Обычный автомобиль человека, который утром ехал на работу и, возможно, вечером собирался вернуться домой. Маркус обошёл его.

На заднем сиденье лежала кружка с треснувшей крышкой. В кармане двери — свёрнутая ткань. На панели перед пассажирским местом был приклеен маленький бумажный прямоугольник с тремя нарисованными от руки точками и линией, похожей на волну. Никакой подписи. На центральном дисплее мигнул крошечный индикатор.

— У машины есть остаточный заряд, — сказал Маркус.

— *Три целых две десятых процента.*

— После нескольких столетий?

— *Вероятно, она периодически получала питание от*

станции.

Маркус поднял взгляд на зарядную колонку. Та была мертва, однако кабель от неё уходил к мастерской. Ручной привод ворот поддался не сразу: створка с натужным скрежетом поднялась всего на полметра и застряла. Пришлось лечь на бетон, протиснуться под ней и уже внутри включить фонарь. Мастерская, к его удивлению, почти не пострадала. В луче один за другим проступили стеллажи с инструментами, диагностические панели и два разобранных электромодуля. На стене висела схема энергосети комплекса. Почти все линии на ней были серыми; только одна, жёлтая, тянулась от подземного резервного блока к парковке. Рядом с ней значился механический переключатель обходного питания — здесь же, за сервисной панелью.

— Вот и первая загадка, — сказал он.

— *Это не загадка. Это неисправность.*

— Все хорошие загадки когда-то были чьей-то неисправностью.

Он снял панель. Внутри было хуже, чем ожидалось. Два силовых контактора оплавлены. Один кабель выгорел полностью. Резервный блок выдавал напряжение, но цепь была разорвана. Маркус осмотрел мастерскую. Запасных контакторов не нашлось. Зато на диагностическом стенде лежал

силовой модуль того же класса. Снятый с автомобиля. Он посмотрел через полуоткрытые ворота на маленькую серую машину.

— Надеюсь, хозяин не будет против.

В ответ раздался тихий щелчок. Не в наушниках. Где-то в глубине мастерской. Маркус мгновенно обернулся. Луч фонаря скользнул по пустым стеллажам. По рабочему столу. По закрытой двери в подсобку. Никого.

— Ты слышал?

— Да.

— Источник?

— *Не определён.*

Маркус медленно подошёл к двери; та открылась от лёгкого прикосновения. За ней обнаружилась крошечная служебная комната со шкафом, раковиной и узкой полкой. На стене висела фотография четырёх человек. Трое мужчин и женщина стояли на фоне ещё нового купола, щурясь от солнца. Один держал под мышкой каску, другой что-то показывал за кадр, а женщина в центре смеялась так свободно, будто впереди у них было сколько угодно времени. Маркус направил свет на нижний угол снимка. Там сохранились подписи. Переводчик мигнул и сумел разобрать лишь одну строку.

...СЕН.

Маркус не придавал этому значения. Пока.

Глава 3. Три машины

Ремонт занял почти два часа. На деле два часа растянулись так, как растягивается время только в мастерской, когда любая следующая деталь оказывается чуть менее совместимой с предыдущей, чем обещала схема. Маркус быстро перестал ощущать себя первооткрывателем погибшей цивилизации. Через сорок минут он лежал на спине под силовой стойкой, упирался затылком в холодный пол и ругался на инженера, который три века назад решил поставить сервисный фиксатор с внутренней стороны корпуса.

— *Вы обращаетесь к человеку, который с высокой вероятностью мёртв.*

— Это не мешает ему быть виноватым.

— *Зафиксировать в отчёте?*

— Обязательно. «Неудовлетворительное расположение фиксатора стало причиной межцивилизационного конфликта».

— *Формулировка сохранена в локальном буфере и будет удалена через десять секунд.*

— Трус.

Он всё-таки добрался до крепления. Материал корпуса удивлял: на вид обычный композит, но под инструментом почти не крошился. Разъёмы были непривычными, зато логика разводки казалась знакомой до смешного. Красный провод не обязательно означал питание, маркировка состояла из незнакомых символов, однако за любым технологическим стилем скрывались те же ограничения — тепло, ток, сопротивление, человеческая склонность экономить место и время.

За работой Маркус несколько раз смотрел через открытые ворота на серый автомобиль. Поначалу только потому, что оттуда брал питание. Потом — потому что машина была единственной вещью на парковке, которая выглядела личной. Служебные фургоны могли принадлежать комплексу. Эта — человеку. На стекле пассажирской двери сохранился

едва заметный след наклейки, давно выцветшей под ультрафиолетом. На задней полке лежала тонкая лента из синтетической ткани, завязанная узлом. Никакой археологической ценности. Именно поэтому Маркус не мог перестать её замечать.

Он вспомнил, как на родной станции его мать годами хранила в машине сломанный держатель для чашки, хотя новый стоил меньше обеда. Каждый раз обещала заменить и каждый раз забывала. Вещи обретают биографию не потому, что важны, а потому, что рядом с ними кто-то жил достаточно долго.

— Корабль, попробуй восстановить местные обозначения по тем символам, что на кузове.

— *Набор слишком мал. Вероятные категории: серийный номер, регистрационная запись, сервисный идентификатор.*

— Имя владельца?

— *Не исключено.*

Маркус почти попросил продолжить поиск, но остановился. Возникло странное ощущение, будто он собирается открыть чужую переписку только потому, что дверь не заперта. Он усмехнулся собственным моральным метаниям. Вокруг лежала целая планета без хозяев, а он спорил с собой из-за

машины.

Пока заряжалась линия, он вышел наружу и прошёл вдоль парковки. У первой служебной машины была разбита фара. На второй сохранились полосы засохшей грязи по колёсным аркам — настоящей грязи, не пыли. Значит, когда её поставили сюда последний раз, на острове ещё шли дожди или работала поливочная система. Между машинами лежал тонкий металлический жетон. Маркус поднял его инструментом. На одной стороне — эмблема комплекса, на другой — несколько цифр и изображение чашки.

— Жетон столовой?

— *Возможно.*

— Мне нравится эта гипотеза больше, чем «ритуальный предмет».

— *Вы никогда не выдвигали гипотезу о ритуальном предмете.*

— Зато другие археологи выдвигают её каждый раз, когда не знают, для чего вещь.

Он положил жетон на край рабочего стола. Позже, когда станет ясно, что именно погибло здесь, возможно, такие мелочи окажутся важнее больших схем. Сейчас же они просто делали место человеческим. В глубине мастерской сохрани-

лась небольшая зона отдыха. Стол, два стула, автомат напитков. Маркус подключил временное питание, больше из профессионального любопытства, и старый автомат неожиданно проснулся. На экране появилась реклама напитка, которого не существовало три столетия, затем предложение выбрать объём. Он рассмеялся.

— *Не пейте,* — немедленно сказал корабль.

— Даже не собирался.

— *Это неправда. Вы смотрите на кнопку выдачи уже восемь секунд.*

— Я просто оцениваю культурный контекст.

— *В форме просроченного напитка.*

Автомат щёлкнул, но ничего не выдал. Маркус почувствовал нелепое разочарование и понял, что это хорошо. Пока он способен разочароваться из-за неработающего автомата, мёртвый мир ещё не успел превратиться в абстракцию. Маркусу пришлось снять силовой модуль со стенда, разобрать корпус, вытащить два рабочих контактора и вручную пере-собрать обходную цепь. Технологии погибшей цивилизации были одновременно чужими и знакомыми. Иные материалы,

другие стандарты разъёмов, но физика не менялась. Ток всё так же искал замкнутый путь. Перегретый провод всё так же темнел. Плохое соединение всё так же оставляло следы. Это успокаивало.

Мёртвый мир мог оказаться непостижимым. Электрическая цепь — нет. Когда последний фиксатор встал на место, Маркус отошёл и включил резерв. Сначала ничего не произошло. Потом внутри стены загудело. По мастерской одна за другой вспыхнули полосы света. Старый диагностический экран ожил, показал десятки ошибок, мигнул и перезагрузился. Снаружи щёлкнула зарядная станция.

— *Напряжение стабильно, — сообщил корабль.*

— Я тоже это вижу.

— *Вы обычно отвечаете так, когда довольны.*

— Запиши в медицинскую карту.

Маркус вышел на парковку. У зарядной колонки горел зелёный индикатор. Кабель был подключён к маленькой машине. На её панели зажглись огни. Несколько секунд автомобиль будто просыпался. Сдвинулись вентиляционные жалюзи. В салоне включилась подсветка. Центральный дисплей показал символ, затем строку текста. Переводчик задумался.

ДОБРОЕ УТРО.

Маркус невольно рассмеялся.

— Несколько столетий ожидания, а она говорит «доброе утро».

— *В текущем часовом поясе одиннадцать сорок две.*

— Не порть момент.

На дисплее появилось предупреждение о разряженной батарее, затем запрос профиля. Несколько пользовательских данных были повреждены. Система показала только две буквы:

M. S.

Маркус провёл пальцем по краю экрана.

— Мастерская использовала её как резервный накопитель?

— *Возможно. Энергосеть показывает двусторонний интерфейс зарядки.*

— Значит, если основной контур падал, машины могли отдавать энергию обратно.

— *Вероятно.*

Теперь становилось понятнее, как автомобиль пережил

века хотя бы с крохотным остатком заряда: станция подпитывала батарею, батарея — аварийные цепи, и так продолжалось, пока где-то в этом замкнутом круге не перегорел единственный узел. Маркус открыл багажник и увидел самый обыкновенный человеческий беспорядок — складной контейнер, перчатки, два пустых пакета, коробку с инструментами и тонкую куртку. Под ней обнаружился небольшой цилиндрический прибор, похожий на персональный анализатор воздуха. Маркус взял его в руку. На корпусе были выцарапаны те же две буквы.

M.S.

И рядом — волнистая линия из трёх точек. Такая же, как на бумажке в салоне. Маркус положил прибор обратно. Личная вещь. Он уже собирался закрыть багажник, когда заметил в углу детскую фигурку — маленькое животное с длинными ушами, сделанное из мягкого полимера. Игрушка выцвела, но сохранила смешно серьёзное выражение морды. Маркус замер. До этого момента всё вокруг можно было воспринимать как археологию: комплекс, техника, системы, город за куполом. Игрушка разрушила дистанцию. У этой машины был владелец. У владельца, возможно, был ребёнок. Или племянник. Или привычка возить с собой нелепую игрушку, подаренную кем-то важным.

Человек садился сюда, ругался на пробки, забывал зарядить батарею, пил что-то из треснувшей кружки. А потом однажды не вернулся. Маркус осторожно закрыл багажник.

— Питания хватит на главный вход?

— *Если использовать автомобиль как буфер — да.*

— Тогда попробуем.

Схема была простой только на первый взгляд. Резервная линия мастерской могла запитать аварийный терминал у посадочной площадки, но пусковой импульс главного шлюза превышал её возможности. Требовался накопитель. Автомобиль подходил. Маркус подключил двусторонний канал, ограничил ток, выставил последовательность подачи. Старые системы не соглашались друг с другом, выдавали ошибки протокола, сбрасывали соединение. Пришлось обходить автоматику и вручную имитировать служебный режим. Наконец на терминале у входа загорелся экран. Появилась эмблема комплекса. Потом — сообщение.

АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СЕТЬ НЕДОСТУПНА.

ТРЕБУЕТСЯ РУЧНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ ТРЁХ ЛИНИЙ.

На панели открылись три механических гнезда. Маркус улыбнулся.

— Вот теперь это загадка.

— *Всё ещё неисправность.*

Три линии питали разные части шлюза: привод, блокировку и контроль целостности. Если включить привод раньше блокировки, система сбрасывалась. Если подать контроль до стабилизации напряжения, датчики считали шлюз повреждённым. Автоматика, которая когда-то делала всё за доли секунды, умерла. Осталась только физическая логика процесса. Маркус несколько раз ошибся. На четвёртой попытке услышал, как внутри стены последовательно сработали три тяжёлых реле. Затем автомобиль на парковке погас.

— *Энергия исчерпана, — сообщил корабль.*

— Я вижу.

Тишина. И вдруг главный вход ожил. По контуру дверей пробежал белый свет. Что-то глубоко внутри здания загудело. Створки разошлись на несколько сантиметров, остановились, затем медленно поползли в стороны. Из базы пахло сухим холодным воздухом. Маркус поднял фонарь. За дверью тянулся широкий вестибюль. На полу не было пыли. Это было страннее всего.

— Система очистки работала?

— *Судя по энергопотреблению, отдельные внутренние контуры сохраняли автономность.*

Маркус шагнул внутрь. Свет зажегся перед ним секци-

ями и гас позади, выхватывая из полумрака белые стены, указатели, низкие скамьи и стойку доступа. На дальней стене занимала почти всё пространство карта острова: от центральной базы расходились пять секторов, словно пальцы раскрытой ладони. Гидросфера, органика, атмосфера, биосфера — и ещё одна, центральная зона, обозначенная символом, которого переводчик не понимал. Под картой сохранилась надпись. Система несколько секунд перебирала варианты, прежде чем выдала перевод:

ПРОЕКТ «ВОЗВРАЩЕНИЕ».

Он прочитал вслух.

— Возвращение чего?

Ответ пришёл не от корабля. Из потолочных динамиков раздался женский голос.

— ...системная... ошибка... доступ... кто...

Маркус застыл. Голос оборвался треском. Свет мигнул. На стойке в центре вестибюля вспыхнула голограмма. Человек. Женщина в рабочей куртке. Изображение было повреждено: половина лица рассыпалась на белые точки, тело пересекали полосы цифрового шума. Она смотрела не на Маркуса. Куда-то в сторону, за пределы записи.

— Если вы это видите... — сказала она.

Помехи.

— ...значит, основной контур всё-таки пережил...

Шум.

— Томас, не отключай...

Изображение дёрнулось. На секунду лицо восстановилось полностью. Маркус узнал женщину с фотографии в мастерской. Ту, что смеялась под новым куполом.

— Мира Сен, руководитель полевых систем, — произнесла запись. — Архивный протокол ноль.

Голограмма исчезла. Вестибюль снова стал пустым. Маркус медленно повернул голову в сторону парковки, скрытой за стенами базы.

M. S.

Серый автомобиль. Треснувшая кружка. Игрушка в багажнике. Он понял, чья это была машина. Но понимание не принесло ничего, кроме нового вопроса. Если Мира Сен записывала аварийный протокол здесь — почему она не забрала машину?

Глава 4. Архив ноль

Баз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.